

КАЗАКИ АВСТРАЛИИ. ИСТОРИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

ЕГОР ЮРЬЕВИЧ ШАШКИН

(Российский государственный гуманитарный университет:
Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 5)

***Аннотация.** В данной статье речь идет о русских казаках, вследствие Октябрьской революции и Гражданской войны оказавшихся в Австралии, а также об их потомках, проживающих на Зеленом континенте в XXI в. Среди волн русской иммиграции, а их исследователи выделяют пять, две состояли большей частью из представителей казачества. Здесь приводится исторический обзор казачьей иммиграции на примерах конкретных казачьих фамилий. В частности, рассказывается о казачьей иммиграции 1920-х гг. на примере уральских казаков атамана Толстова, а также об их адаптации в новых условиях. Далее следует рассказ о казачьих семьях, покинувших Китай в 1950–1960-е гг., чьи потомки сегодня составляют большую часть казачьей и русской диаспоры Зеленого континента. Также рассматривается вопрос самоопределения современных казаков в Австралии, которые, несмотря на физическую удаленность от своей родины и временную удаленность от своих предков, не утрачивают своей казачьей идентичности, ощущая себя полноправными членами казачьего дискурса, взаимодействия с отечественными казачьими организациями и реставрируя казачьи традиции. Пример казаков Австралии является абсолютно уникальным, в особенности на фоне примеров других стран, где подобного не сложилось, а казачье самоопределение было утеряно и потомки эмигрантов растворились в общерусской диаспоре. Причинам сохранения идентичности и ее особенностям уделяется пристальное внимание.*

***Ключевые слова:** казачество, казаки, Австралия, русская диаспора, идентичность.*

История казаков в Австралии неразрывно связана с событиями Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войной в России. Тысячи людей были вынуждены покинуть свои дома, чтобы обрести новую родину в других странах. Казаки оказались во всех концах планеты: США, Парагвай, Чехословакия, — некоторые добрались даже до ЮАР. Будучи очень сплоченными группами, казаки уже за пределами России старались селиться рядом, поддерживать связи. Знаменитое казацкое куначество обеспечило крепкий стержень казацких общин, благодаря чему потомки иммигрантов продолжают считать себя казаками, как и их деды и прадеды.

Русская иммиграция на пятый континент делится исследователями на несколько волн. Несмотря на некоторые расхождения у разных авторов, в целом выделяются следующие пять: дореволюционная, межвоенная (или «белая»), послевоенная, советские евреи и постсоветская [Christa 2001, 636–644; Хотимский 1957]. Казаки прибывали в Австралию преимущественно в межвоенный и послевоенный периоды.

Первыми казаками в Австралии был отряд Владимира Сергеевича Толстова — последнего атамана Уральского казачьего войска. Они сражались на Урале, однако после разгрома «белых» войск были вынуждены уйти в Персию через побережье

Каспийского моря. Отряд состоял из 214 человек, среди которых было 53 офицера, а также жены и дети казаков [Дмитровский 1997, 37–41]. На границе с Персией казаки разоружились и были перенаправлены британскими колониальными властями в Басру — город, ныне расположенный на территории Ирака, где казаки жили на протяжении девяти месяцев. Этот период, полный тягостей и невзгод, был описан самим Толстовым в книге «От красных лап в неизвестную даль», которая была издана в 1921 г. в Константинополе — крупном «пересадочном пункте» русской эмиграции.

После британских владений на Ближнем Востоке уральцы вернулись в Россию — во Владивосток, где они находились до 1922 г., до разгрома последних белых формирований. Единственным открытым путем оставался Китай, куда во время Гражданской войны ушли тысячи людей из Российской империи. Толстов со своими людьми уходит в город Чаньчун, который находился под контролем японцев. Уже в Чаньчуне состоялся казачий совет, и на нем было принято общее решение о переезде в Австралию.

Если бы уральцы захотели отправиться на пятый континент раньше, это у них бы не вышло. Дело в том, что с начала октябрьских событий 1917 г. в Австралийском союзе действовало ограничение на въезд эмигрантов из Российской империи, которое, в сущности, являлось полным запретом. Правительство опасалось слишком большого прилива беженцев. Ограничение было снято именно к 1922 г. Однако, несмотря на формальную возможность иммиграции, получение разрешения на въезд для большинства становилось непреодолимой преградой. Казаков атамана Толстова выручили его знакомства: добиться разрешения помогли британский консул в Шанхае и британский же посол в Тегеране, с которыми несколькими годами ранее Толстов вел переговоры о разоружении и организации поселения казаков в Басре. Также за уральцев ходатайствовал австралийский торговый комиссар в Китае Эдвард Литтл. В итоге разрешение на въезд получили 66 человек, включая самого Толстова [Там же, 37–41]. Все они уральские казаки.

Другим препятствием был земельный вопрос. Казаки надеялись безвозмездно получить земельный участок. Переговоры со стороны Толстова вел уже упомянутый

торговый комиссар Литтл. В подарок землю получить не удалось, однако толстовцам разрешили купить ее, чем казаки немедленно воспользовались. Еще в Китае уральцам удалось собрать из личных средств сумму, необходимую для оплаты чека. Речь шла об участке на Кливленд-Редленд Бэй Роуд (сейчас — предместье Брисбена, рядом с городом Виктория Пойнт и заповедником Пойнт Халлоран) размером в 9 акров, т.е. чуть больше 36 тыс. квадратных метров [Там же].

Уральские казаки высадились в порту Брисбена 4 ноября 1923 г.

Разумеется, небольшой участок земли не мог прокормить шесть десятков человек, поэтому люди через некоторое время стали разъезжаться на заработки. Вот как это поэтически описал корреспондент одной из первых русскоязычных газет в Австралии — «Чужбины»:

Червонцев нет давно в помине,
Булат не нужен на чужбине;
Не для кого везти донос,
Коня заменит паровоз.
Забыв лихую джигитовку,
Забывши саблю и винтовку,
Забыв весь шик казачьих пик,
Он просто едет на тростник [Там же, 45].

Тяготы положения первых казаков-поселенцев в Австралии задокументировал также корреспондент харбинского издания «Рубеж» П. И. Стуков. Вот что он писал «Труднее всех, пожалуй, приходится русским, осевшим в Северном Квинсленде <...> единственная возможность получить работу, это — на плантациях, на рубке сахарного тростника <...>. Работа страшно изнурительна и требует больших сил и выдержки <...>. Обычное явление — проливные дожди в дни уборки тростника. Дожди эти льют неделями, а затем наступает такая жара, что, кажется, немислымо двинуться с места, а не только работать, не терять ни минуты, на плантациях» [Там же, 46].

Самым популярным направлением рабочей миграции среди уральских казаков стало поселение Кордальба, находящееся в 320 км к северу от Брисбена. Тогда, по словам Дмитровского, Кордальба представляла собой «небольшую деревню с одной — центральной — улицей» [Там же, 45]. Важными аспектами стали традиционные для казачества куначество и гостеприимство.

Многие, прежде чем смогли позволить снять себе свой дом или комнату, оставались у знакомых. Семья А. Ю. Поторочина одной из первых смогла купить собственный дом и сразу же стала принимать у себя соотечественников. Уральские казаки даже прозвали дом Поторочиных «штаб-квартирой» [Там же, 47].

Именно Кордальба станет одной из первых казачьих станиц в Австралии. Первая попытка организовать станицу была предпринята самим Толстовым еще в 1927 г., когда он временно переехал туда из Брисбена, но что-то помешало это сделать. Спустя три года, в 1930 г., была сформирована общеказачья станица (т.е. в нее могли входить представители других казачьих войск тоже). Станичным атаманом был избран есаул В. А. Карташев, казначеем и писарем — Б. Ф. Шапошников. Просуществовала станица до конца 1930-х, когда многие русские стали уезжать из Кордальбы в Брисбен и другие города [Там же]. Сам Толстов скончался в апреле 1956 г. в Брисбене — городе, который останется серьезным центром притяжения для всей русской иммиграции.

Разумеется, уральские казаки во главе с атаманом Толстовым не были единственными представителями казачества в Австралии в межвоенный период. Так, например, атаманом станицы в г. Талли (Северный Квинсленд, 1900 км от Брисбена) стал казак Енисейского казачьего войска Николай Георгиевич Дейчев — есаул енисейских казаков, георгиевский кавалер. Он высадился на севере Австралии в начале 1927 г.; как и все, работал на плантациях сахарного тростника. В 1929 г. он возглавил инициативную группу, которая со временем смогла организовать жизнь местной общеказачьей станицы: она появилась там в 1930 г.

История казаков атамана Толстова — портрет казачьей иммиграции в Австралию межвоенного периода. Тяжелое экономическое положение, необходимость работать в суровых условиях и сохранение при этом крепких связей друг с другом — главные отличительные черты той волны. В 1973 г. на похоронах одного из последних «толстовцев» присутствовал его казак-соратник с полковыми знаменами. Когда дочь усопшего подошла поблагодарить его, казак ответил: «Как же не прийти, мы за своими всегда

присматриваем» [Там же, 53]. И это несмотря на внушительный срок в 50 лет.

Вторая «казачья» волна иммиграции — послевоенная. Большинство русских попадало в Австралию как «перемещенные лица» (часто в исследовательских работах можно встретить термин «ди-пи», от англ. displaced person). Австралийская миграционная политика в тот период изменилась: с 1945 г. в стране действовала новая иммиграционная программа, согласно которой население Австралии должно было увеличиваться на 1% каждый год [Каневская 2005, 163–165]. Причины для такого разворота было две. Во-первых, бурно развивающееся производство страны требовало больше рабочих рук: одним из требований к въехавшим «ди-пи» была работа по контракту в определенном месте и в течение определенного времени. Во-вторых, Вторая мировая война продемонстрировала уязвимость Австралии. В обществе выработался тезис, что обороноспособность страны будет усилена, если увеличится количество ее населения.

Крупным источником иммиграции для Австралии стали европейские беженцы. В 1947 г. министр иммиграции Артур Колвэлл подписал соглашение с Международной организацией беженцев (International Refugee Organization). В соответствии с ним впоследствии на пятый континент попадут тысячи людей, многие из которых — выходцы из Восточной Европы (и из СССР в том числе).

Нельзя исключать, что среди европейских «ди-пи» были и казаки, но никаких достоверных данных на этот счет найти не удастся. Основная масса казаков пришла в Австралию из китайской провинции Маньчжурия, куда они семьями уходили во время Гражданской войны. Трехречье — так назывался русский регион в Китае, где преимущественно проживали казаки Забайкальского казачьего войска.

Политика образованной в 1949 г. КНР в отношении иммигрантов была суровой и однозначной, она фактически была направлена на их вытеснение. Еще ту же затянули гайки во время китайской «культурной революции», когда началась откровенная травля национальных и религиозных меньшинств. Уплотнялась жилплощадь, уменьшались квоты на топливо, русский язык попадал в опалу, закрывались русские школы, разграблялись церкви.

Становилось ясно, что оставаться в Маньчжурии невозможно. К середине 1950-х гг. правительство СССР предложило жителям Трехречья вернуться на Родину. Многие согласились: в пограничных селах по р. Аргунь и сегодня можно встретить выходцев из Китая, с некоторыми я имел возможность пообщаться в ходе экспедиции в Восточное Забайкалье летом 2017 г.

Вторым вариантом был путь в Австралию. Он появился неслучайно. Правительство страны всё еще было заинтересовано в иммигрантах, а также там уже проживало много русских. В том числе и с китайским прошлым — тех, которые выехали из Китая в конце 1940-х гг., когда победа НОАК казалась неминуемой. Беженцы 1940-х преимущественно выезжали через Шанхай, многие из них оказались на филиппинском о-ве Тубабао [Моравский 2000, 7–18; Каневская 2005, 165–167; Каневская 2010, 117–123], откуда позднее разъезжались в разные страны.

Современные казаки в Австралии — потомки иммигрантов той поры. Их отцы, деды и прадеды покинули Трехречье, Харбин и отправились в Австралию строить новую жизнь. История семьи Михаила Овчинникова — заметного деятеля русской диаспоры в Австралии в XXI в., бизнесмена и потомка казаков — наглядный пример тяжелой судьбы людей, дважды потерявших отечество. Как он сам рассказывал в интервью сиднейской газете «Единение», издающейся на русском языке, его отец — из забайкальских казаков — перешел через Аргунь в 1919 г., а мать позднее, в 1929 г. [Примачек 2008]. Сам Овчинников родился в Маньчжурии в 1946 г., но уже в 16-летнем возрасте был вынужден покинуть Китай из-за репрессий, развернутых в ходе китайской «культурной революции». Его семья всегда старалась сохранить ценные реликвии — книги на русском языке, иконы — и перевезла их с собой, в Австралию. Казачьи привычки помогли Михаилу адаптироваться: один парень, которого Овчинников знал еще по Китаю, переехал раньше и успел начать собственное дело, поэтому для нашего героя не составило труда найти работу. Позднее, спустя годы, ему удастся организовать успешное строительное предприятие, он станет состоятельным человеком и очень заметной, хотя и неоднозначно воспринимаемой среди русских

в Австралии фигурой в современном казачестве на Зеленом континенте.

Другой пример — история семьи еще одного казачьего лидера, атамана Посольского австралийского отдела Забайкальского войскового казачьего общества (ЗВКО) Семена Бойкова. Семен родился в 1990 г. в Сиднее, как он сам утверждает, «в забайкальской диаспоре». Так он описывает забайкальцев в Австралии в своем интервью для интернет-портала Inforol: «Тут живет много потомков забайкальских казаков. Практически это огромная забайкальская диаспора. Это связано с тем, что в 20-е годы диаспора перешагнула через Аргунь и практически целиком выехала в разное время из Забайкалья. В конце 50-х — начале 60-х те же люди выехали уже в Австралию. То есть люди жили где-то на одной улице в Борзе или в Забайкалье, потом уже в Трехречье, а потом начали жить рядом друг с другом в Австралии. И благодаря этому сохранилась именно диаспора. Я родился и вырос в ней» [Цыбикдоржиев 2017]. Отец Семена Михаил Бойков — православный священник, который, как и его сын, родился не в Китае, а уже в Австралии: его родители выехали из Трехречья в начале 1960-х гг.

Казаки, прибывавшие в Австралию в период 1950–1960-х гг., как становится ясно из воспоминаний Овчинникова и рассказа Бойкова о его семье, старались селиться рядом. Однако центр казачьей иммиграции сместился из Брисбена в Сидней. Это объясняется тем, что выходцы из Трехречья, как и их предшественники, старались селиться ближе к уже осевшим в новой стране русским. Поскольку «ди-пи» были вынуждены отрабатывать контракты в промышленных центрах, которые сконцентрированы в основном в штате Новый Южный Уэльс, вокруг Сиднея и Мельбурна, они оставались в этих городах и после окончания работ. Таким образом, численность русских в этом районе выросла и к соотечественникам стали тянуться новые иммигранты.

Компактность проживания обеспечила сохранность казачьих традиций, которые можно наблюдать и сегодня. Люди старшего поколения способны воспроизводить тексты традиционных забайкальских казачьих песен, помнят элементы танцев [Кляус 2018, 163–167]. Наверное, будет преувеличением сказать, что эти традиции «продолжают жить», потому что они не являются неотъемлемой

частью повседневности этих людей. Но таким же преувеличением будет мнение об их «скором забвении», потому что казаки современности активно стараются поддерживать традиции дедов и прадедов, вдыхать в них новую жизнь.

Современное организованное казачество в Австралии, собранное и консолидированное не в последнюю очередь благодаря энтузиазму Семена Бойкова, включает в себя не только «дедов» — непосредственно выходцев из Трехречья — и их детей, но и более молодые поколения — людей, родившихся в конце 1980-х, в 1990-х уже в Австралии. Оно активно взаимодействует с воскресенными казачьими структурами в России и признается последними: Посольский австралийский отдел официально входит в состав Забайкальского войскового казачьего общества. Казаки в Австралии ведут активный в социальном смысле образ жизни, праздную православные праздники в своей общине, тесно взаимодействуя с другими представителями русской диаспоры, собирая демонстрации и проводя политические акции в поддержку политики России на международной арене. Ими издается газета на русском языке «Русский рубеж».

Активное взаимодействие с единомышленниками на исторической родине и стремление к укреплению связей с Россией, несмотря на тысячи километров между ними, есть исключительная особенность русских казаков в Австралии, выделяющая их из ряда казачьих диаспор, существующих в других странах. Для сравнения возьмем диаспору потомков русских казаков в Аргентине — еще одного довольно удаленного от России места, куда многие казаки уезжали в межвоенный период и в период после Второй мировой войны. Среди них были известные личности. Например, Василий Акимович Харламов — депутат всех созывов дореволюционной Государственной Думы от области Войска Донского, заметный участник Белого движения. Или Николай Николаевич Краснов — член знаменитой казачьей фамилии и родственник Петра Николаевича Краснова.

Русские казаки в Аргентине после своего «переезда» вели активную деятельность: в конце 1940-х — начале 1950-х гг. был создан ряд станций в пригородах Буэнос-Айреса, издавались как минимум две казачьи газеты — «Хроника казачьего союза» и «Казачий голос» [Кублицкая 2011,

145–147; Хохульников 2002, 172–173]. Эти успехи вполне сопоставимы с достижениями русских казаков в Австралии того периода, а может быть, даже превосходят их. Но, несмотря на это, в дальнейшем прогресс казачьей диаспоры заглох, и сегодня русские казаки (а точнее будет сказать, их потомки) в Аргентине не отличаются особой активностью. В отличие от их собратьев из Австралии, упоминания «аргентинцев» в казачьих СМИ ограничиваются дежурными «посещениями международных конференций» и безличными «инициатива была поддержана казаками из А, В, С и Аргентинь». Казаки с Зеленого континента проявляют куда больше энтузиазма, регулярно посещая Россию и проводя совместные с российскими казачьими обществами мероприятия.

Любопытно, что казаки в Австралии и в XXI в. сохраняют свое казачье самоопределение. Быть казаком — это не только состоять в казачьей организации, которая, кстати говоря, является всего лишь историко-культурным обществом, но действительно считать себя казаком. Казачье самоопределение проявляется в собственном выделении из общности русской диаспоры. В уже приведенном фрагменте интервью Бойкова он говорит об «огромной забайкальской диаспоре, в которой родился и вырос» [Цыбикдоржиев 2017], тем самым подчеркивая групповое сознание этих людей, выделяющих себя из ряда других.

Из чего же складывается это казачье самоопределение? Разумеется, основой является представление о родстве с казаками прошлого. Тем самым человек прослеживает прямую преемственность с теми, кто переселялся в Австралию в XX в. Иными словами, казак легитимизирует свое право называться «казакom», ведь в «настоящести» казаков-предков ни у кого не возникает сомнений. Параллельно с этим «казаки-предки» наделяются уникальным, идеализированным набором качеств, которые, по мнению современных казаков в Австралии, являются эталоном для подражания. Современные казаки стремятся соответствовать «вручную» созданным представлениям о своих «предках», что только укрепляет их самоопределение. Безусловно, важную роль играет также религиозная принадлежность: любой казак должен быть православным христианином.

Еще один немаловажный аспект — бюрократия. Официальное признание

казачества в Австралии и включение в систему казачества российского дает ему авторитетный вес в глазах окружающих. До конца 2000-х гг. организованного казачества в Австралии не было, но сами казаки были. Многие из них не считали себя «настоящими казаками», использовали языковую форму «сын казака» или «потомок казака». Связь с исторической родиной, достигнутая посредством официальных контактов с Забайкальским войсковым казачьим обществом и Союзом воинов-казаков России и зарубежья, обеспечила дополнительную легитимность для людей, позволившую им называться казаками.

Вступают в ряды казаков в Австралии и те, кто туда переехал уже в наши дни. Для них основным мотивом становится возможность выразить свои политические патриотические взгляды в кругу единомышленников. Как уже говорилось выше, казаки в Австралии активны в выражении своих взглядов. Тем самым они создают платформу для высказываний тех, кто согласен с ними. Вот как описал в личной беседе свои мотивы вступления в казачество

Артем Козьмин, переехавший из Москвы в Сидней несколько лет назад: «*Как решил (вступить в казачество. — Е. Ш.): я считаю себя патриотом России, и, переехав сюда, начав разговаривать, я хотел хоть как-то быть полезен своей Родине. И казаки Австралии, может немного радикальные, но для меня это было в самый раз. Пропаганда России, поддержка нашего лидера, разъяснение англоговорящим на их же, им понятном языке, кто такие русские и откуда берутся истоки нашей веры, и нашей любви, и самопожертвования во имя Родины*» (Зап. от Артема Козьмина, онлайн-переписка via Facebook. Соб. Е. Ю. Шашкин. 2018 г.).

«Казачество в Австралии» — для многих соотечественников это звучит странно и необъяснимо. Оно, однако, имеет достаточно длинную и богатую историю. Сегодня казаки активно стараются воспроизводить казачьи традиции, следовать заветам своих предков, покинувших Родину много лет назад. А это значит только одно — история казаков в Австралии не закончена, а только продолжается.

Источники и материалы

Дмитровский 1997 — *Дмитровский Н. И.* Русские в Брисбене. Поход уральских казаков: В 3 ч. // Австралиада. № 12. Брисбен, 1997. С. 37–53.

Примачек 2008 — *Примачек Л.* Портрет Михаила Овчинникова // Единение (Сидней). 2008. № 18. С. 7.

Хотимский 1957 — *Хотимский К. М.* Русские в Австралии. Мельбурн, 1957.

Цыбикдоржиев 2017 — *Цыбикдоржиев Д.* Одиссея забайкальских казаков и легенда о бурятской колонии в Австралии. URL: <https://www.infpol.ru/109728-odissey-a-zabaykalskikh-kazakov-i-legenda-o-buryatskoy-kolonii-v-avstralii/> (дата обращения: 19.08.2018).

Исследования

Каневская 2005 — *Каневская Г. И.* «Я бездомный, но зато на воле...»: русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954). Владивосток, 2005.

Каневская 2010 — *Каневская Г. И.* «Мы еще мечтаем о России...»: история русской диаспо-

ры в Австралии (конец XIX в. — вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010.

Кляус 2018 — *Кляус В. Л.* Песни забайкальских казаков в Австралии: память о большой и малой родине // Забайкальское казачество: история и современность / Матер. Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Отв. ред. Е. В. Дроботушенко. Чита, 2018. С. 163–167.

Кублицкая 2011 — *Кублицкая М. А.* Русская периодическая печать в Аргентине в XX веке // Кадетская переключка (Буэнос-Айрес). 2011. № 78. С. 136–180.

Моравский 2000 — *Моравский Н. В.* Остров Тубабао. 1949–1951: Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М., 2000.

Хохульников 2002 — *Хохульников К. Н.* Периодическая печать донского казачьего зарубежья. Ростов н/Д, 2002.

Christa 2001 — *Christa B. Russians* // The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, its People and their Origins / Под ред. J. Jupp. Cambridge, 2001. С. 636–642.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шашкин Е. Ю. <https://orcid.org/0000-0001-7265-0393>

Студент магистратуры Российского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 5; тел.: +7 (495) 250-61-18; e-mail: shashkinyegor29@gmail.com

COSSACKS OF AUSTRALIA. HISTORY AND IDENTITY

YEGOR YU. SHASHKIN

(Russian State University for the Humanities: 5, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation)

Summary. *This article tells about Russian Cossacks who immigrated to Australia after Russian Revolution 1917 and following Civil War and whose descendants still live there. Researchers distinguish at least five different waves of Russian immigration into Australia and two of them consist of the Cossacks. Here historical overview of Cossack immigration is given through examples of different Cossack families. It provides the story of ataman Tolstov and his Cossacks who arrived in Brisbane seaport in 1927. Also, it is told about few Cossack families who left Manchuria, China in the late 1950s — the early 1960s and about their adaptation in the new country. Today Russian diaspora there mainly consists of their descendants. Despite being far away from their historic homeland, contemporary Russian Cossacks in Australia retain the connections with Russia and save their rich cultural heritage. Thereat, they still identify themselves as Cossacks and the specific reasons and special aspects of their self-determination are covered in this article too. Their example is absolutely unique for Cossacks emigration because in most of the other countries Cossacks were absorbed and assimilated by Russians living there or by locals themselves.*

Key words: *the Cossacks, Australia, diaspora, Russians in Australia, identity.*

References

Christa B. (2001) Russians. In: *The Australian People. An encyclopedia of the nation, its people and their origins.* Ed. by J. Jupp. Cambridge. Pp. 636–642. In English.

Kanevskaya G. I. (2005) “Ya bezdomnyi, no zato na volye...”: Russkiye peremeschennyye litsa v Avstralii [“I’m homeless but I’m free...”: Russian displaced persons in Australia]. Vladivostok. In Russian.

Kanevskaya G. I. (2010) “My vsye esche mech-tayem o Rossii...”: Istoria russkoy diaspory (konez XIX v. — vtoraya polovina 80-h gg. XX v.) [“We’re still dreaming of Russia...”: History of Russian diaspora in Australia (the end of 19th — the second half of 80s of the 20th century)]. Vladivostok. In Russian.

Klyaus V. L. (2018). *Pesni zabaikal’skikh kazakov v Avstralii: pamyat’ o bol’shoy i maloy Ro-*

dine [Transbaikalia Cossacks’ songs in Australia: memory on the Great and the minor homeland]. Chita. Pp.163–167. In Russian.

Kublitskaya M. A. (2011) Russkaya periodicheskaya pechat’ v Argentine v XX veke [Russian periodicals in Argentina in the 20th century]. *Kadetskaya pereklichka [Cadets’ call].* Buenos Aires. Pp. 136–180. In Russian.

Khokhulnikov K. N. (2002) Periodicheskaya pechat’ donsogo kazach’ego zarubezh’ya [Periodicals of Don Cossacks abroad]. Rostov-on-Don. In Russian.

Moravskiy N. V. (2000) *Ostrov Tubabao. 1949–1951: Posledneye pristanishche rossiyskoy dal’nevostochnoy emmigratsii [Tubabao Island. 1949–1951. The last stand of Russian Far-East emigration].* Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Shashkin Y. Yu. <https://orcid.org/0000-0001-7265-0393>

E-mail: shashkinyegor29@gmail.com

Tel.: +7 (495) 250-61-18

5, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation

Graduate student, Russian State University for the Humanities
